

20.1.99.

Назаренко Татьяна

Татьяна Назаренко: и в московском переходе, и на парижском бульваре есть на что посмотреть (с французским «Официантом» и российскими «Панками»)

Имена

— Когда вы начали писать силуэты и когда ваши работы заслужили определение «гротескных»?

— Господи, да с «Перехода» все и началось, в 1996-м. А вообще у меня традиция — каждый год двадцать пятого января я устраиваю выставки. «Татьянин день» — это вещь стабильная. Сейчас готовлю работы для «Памятника» рабочему и колхознице в современном звучании. Такие симпатичные новые русские люди и приложения к ним.

— А чем приятней заниматься — современностью или далеким прошлым? Вот Екатерина ваша, допустим...

— Я даже не знаю... все интересно. Увлекаешься. Екатериной я давно занялась, в феврале она будет на выставке «Герои» вместе с моим Суворовым в Новом Манеже. Там соберутся такие разные художники и такие разные картины! От реалистов до Кости Звездочетова.

— Татьяна, вам не кажется, что чего-чего, а женщин-художниц у нас всегда было маловато?

— Нет, почему! Да, конечно, нам всегда было тяжелее. Но ведь и сейчас есть замечательные художницы, и в начале века были — плюс поэтессы, скульпторы. Одна Вера Мухина чего стоит! Естественно,

но вдохновение, можно рукопись продать. «Рукописи» покупаются — и ты их больше не видишь. Да, у друзей висят мои картины, это здорово. Но чаще всего я даже не знаю, существует ли моя картина просто физически, понимаете? Это больно. Ну что такое «частное собрание»? Очень расплывчатый термин. Не так давно некий турок купил и увез в Стамбул мои самые любимые работы — «Циркачку» в том числе. Без моего ведома. Я расстроилась страшно. Но что теперь — ехать в Турцию, проверять, как там мои работы?

Часто работы просто пропадают. Не так давно мне пришлось «вручить» крупную сумму денег на таможене только за то, чтобы мои же работы вернулись ко мне в мастерскую с вполне законной некоммерческой выставки.

— Как насчет коммерческих вещей? Пишете таковые?

— Ну а жить-то надо. Вон, видите, «Лилии» висят. (Действительно, тигровые лилии. Очень даже некоммерчески капризного вида. — Д.А.)

Музеев у меня нет. Ходить просить градоначальников как-то глупо, по-моему. Да, моим работам нужно пространство. Большое пространство, иначе они умирают. Один из нереализованных проек-

Татьянин день

Век. Москва. — 1999. — 20 янв. — с. 4

Работам Татьяны Назаренко нужно пространство. Иначе они умирают

Дарья АКИМОВА

Татьяна Назаренко — художник модный. Тем не менее тусовочную жизнь второй профессией не сделала, в скандальной хронике не мелькает. Окончила Суриковский. Недавно стала член-корреспондентом Российской Академии художеств — это плюс ко всем прочим регалиям и титулам вроде «самая оригинальная художница». Не столь давно реализм Татьяны Назаренко вылился в проект «Переход» — тот самый, в котором ожили ее фанерные силуэты.

— Екатериной я давно занялась...

если сравнить то время, которое я провожу в мастерской, и «домашнее», то последнего будет явно больше. Все-таки дети, муж...

— То есть американский вариант дома-ночлежки (поел — поспал — убежал) для вас не подходит?

— Нет, наверное. Хотя я против «американского образа жизни» ничего не имею. Там люди точно так же работают, как у нас. Кстати, в Вашингтоне есть музей «Женщины в искусстве» начиная с пятнадцатого века (сейчас в музее проходит выставка Назаренко. — Д.А.). Нас довольно много, как оказалось.

— Ваши работы над вами власть имеют?

— Нет... Скорее всего нет. Работа ведь вообще чаще всего «уходит». Как известно, не продается

тов — мой «Переход» поместить в переход настоящий, навсегда, оборудовать его как надо. Ну что мои работы сейчас собой представляют — сваленная в кучи фанера, и все.

— Ваши работы — это ко всему прочему еще и некий намек на театральное действо?

— Наверное, так. Вообще сейчас, как мне кажется, глупо устанавливать границы между живописью и скульптурой, театром, словом... Воздействует на зрителя мощнее всего инсталляция. Когда сочетаются возможности того, другого и третьего искусства — это, наверное, все-таки плюс. Хотя какое-то, но обогащение смысла.

— Однажды на вернисаже на какой-то мой слишком умный вопрос мне ответили: «Какой в искусстве может быть смысл в конце двадцатого века!».

— Нет, что вы! Как раз теперь-то смысл в картине важнее, чем раньше. Вернее, лет сто назад околоскартинного пространства не существовало вообще. То есть по большому счету работа художника была самодостаточна. Теперь нужна История Создания Работы. И главное в живописи — не только то, что видит художник, а то, что он чувствует и пытается донести до зрителя.

— Значит, табличка с подписью важнее самой картины?

— В какой-то мере. Только подпись должна быть не традиционная («Тут мы видим Венеру, а тут — Парису»), а новая. Поумней.